

— ЮРИЙ
НИКИТИН

— ЮРИЙ
НИКИТИН
К О Н Т Р ● Л Е Р

Книга пятая

Бригантины
поднимают
паруса

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серийного оформления
художника *Е. Савченко*

В оформлении переплета использована работа
художника *М. Петрова*

Дизайн переплета *А. Саукова*

Никитин, Юрий Александрович.

Н62 Контролер. Книга пятая. Бригантины поднимают паруса / Юрий Никитин. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 416 с. – (Контролер. Фантастика Юрия Никитина).

ISBN 978-5-699-90263-7

Мир все ближе к катастрофе, однако о ней знают только единицы. Владимир Лавронов старается объединить усилия разведок ведущих стран мира, чтобы предотвратить угрозу, но сам делает ставку только на российское ГРУ МИС, военную разведку Пентагона и Мосад.

А сам начинает свою игру, о которой пока никто не догадывается...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90263-7

© Никитин Ю. А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть I

Глава 1

Вдали от ленты идеально ровного шоссе проплывает зеленое поле, огороженное декоративным забором. Я засмотрелся на прекраснейших коней снежно-белого цвета с роскошными гривами и хвостами, довольные и счастливые пасутся и весело взбрыкивают в пышной зеленой траве.

В громадном загоне их только двое, полные хозяева. Наш автомобиль проводили взглядами абсолютных и безраздельных властелинов этих полей.

На той стороне зеленого пространства скромный особняк за пять-семь миллионов долларов. Некий аналог садового или охотничьего домика, куда хозяин навещается изредка после утомительных раутов и вечеринок..

Эсфирь проследила за моим взглядом.

– Красавцы. В твоём будущем останутся?

– Тебе честно, – уточнил я, – или политкорректно?

– Разведчикам важна точность, – ответила она сердито. – А политкорректность засунь себе... или политикам сам знаешь куда.

– Какая ты неполиткорректная, – упрекнул я с удовольствием. – Эти избушки-развалюшки ин-

тересны разве что для любителей, которым бы жить в пещерах без нынешней угнетающей их нежные души техники. Даже не представляешь, насколько мир будет интереснее и красивее нынешнего убожества, что сейчас кажется даже умным людям вершиной хай-тека и просто ах-ах!.. совершенством.

Она вздохнула.

– Не верю. Такую красоту в прошлом кто оставит?

– А где сейчас, – поинтересовался я, – романтические ямщики, трубочисты Ганса Христиана, коробейники и прочие-прочие?.. Ямщики, правда, пересели за руль автомобилей, но уже и шоферы вот-вот исчезнут под натиском самоуправляемых автомобилей, которыми наконец-то оправдают свое название. Не скули, сама же сказала, нет таких, кто предпочел бы жить в том старом мире! Тогда только от простейшего туберкулеза умирали десятки миллионов человек в год.

Она покачала головой.

– Это тогда. А сейчас посмотри по сторонам, мебель ты бесчувственная!.. Посмотри, какой мир!

Я не стал крутить головой, и так все вижу, ответил мирно, с женщиной опасно спорить:

– Как во времена Гарун аль-Рашида. Та же сказочная роскошь, беспечность, радушие...

– Только вот нравы, – сказала она с объективностью девочки из консервативной семьи.

– Раскованнее?

Она посмотрела с удивлением.

– Ты что? Это как смотреть старые фотографии Ирана: все выглядит по-европейски, девушки с открытыми лицами, в макияже и в коротких юбках...

а сейчас средневековье, женщины даже не в хиджабах, а в никабах, а то и в парандже!

– Но в Дубае сплошной праздник, – заметил я. – Даже при этом средневековье.

Ее глаза слегка расширились.

– Похоже, не знаешь, что здесь всего пятнадцать из ста местные, а все остальные – понаехавшие?.. Восемьдесят пять процентов населения без права гражданства!.. И соответствующих льгот.

Я двинул плечами.

– В обслуживающий персонал берут только мусульман из более бедного Йемена, Пакистана и прочих исламских стран, так что со стороны и не видно, если на виду только понаехавшие.

Мы въехали в предместье столицы Эмиратов. Автомобиль свернул на тихую улочку, некоторое время двигался вдоль ряда ухоженных домиков, затем Эсфирь направила его на небольшую стоянку перед аккуратным двухэтажным домиком из белого кирпича, но с красной черепичной крышей.

– Неплохо устроилась, – заметил я. – Домик как из мультика про Рапунцель.

Она покинула автомобиль, во взгляде мелькнуло недоверие.

– А разве твоя Рапунцель жила не на дереве?

– Если классику изучать по детским мультикам, – ответил я, – а не по классическим операм.

– Ого, – сказала она, – где-то в детстве афишу видел? Ну и память у тебя!

Я пояснил с достоинством:

– У меня в самом деле родители со старыми устоями... Ах да, у вас это значит, что ничего, кроме Торы, не читают...

Не отвечая, она с достоинством направилась к домику, но шаги замедлила, давая возможность программе успеть сканировать ее лицо и фигуру и тщательно сличить с заложенным в память образом.

– Надо прощ мощнее, – сказал я сварливо ей в спину, – уже есть даже в свободной продаже. И проги нужно ставить на самоапдейт...

Она не ответила, а когда взялась за дверную ручку, там пискнуло, сверху приглашающе вспыхнул и тут же погас зеленый огонек.

За дверью распахнулась широкая и очень типовая прихожая, что и понятно, если заглянет местная полиция, должны видеть, что и здесь «как у всех», памяти не за что потом зацепиться и все быстро сотрется из воспоминаний.

Справа большая роскошная гостиная, в Дубае даже у бедных гостиные комнаты большие и хорошо оборудованные, это уважение к гостю, слева кухня, столовая и малая гостиная, а наверх ведет лестница уже в личные покои, куда гости ни за что не поднимутся, это осталось со времен, когда существовали женские половины для гарема.

Она кивком послала меня наверх, словно хозяин новую наложницу в свою спальню, я горестно вздохнул, но потащился на второй этаж, переступая через ступеньку.

– Хороший домик, – заметил я. – Сколько отдала?

– Аренда, – сообщила она.

– Сколько в месяц?

– Не знаю, – ответила она с полнейшим равнодушием. – Наша строительная фирма арендует. Это

чтоб разные сотрудники могли приезжать и останавливаться, не бронируя номера в дорогих отелях. У нас деньги берегут, мы не русские, которые потому и нищие при всех своих природных богатствах.

Я спросил коварно:

– Эмир Мухаммад позволяет израильтянам что-то строить в своем королевском эмирате?

Она взглянула с холодным высокомерием.

– Я работаю в германской строительной фирме.

– Прости, Эсфирь, – сказал я примирительно, – Эсфирь Ройтблат... Хотя фамилия у тебя немецкая. Имя, кстати, тоже почти немецкое. На немецком ты Блюм.

– Звучит отвратительно.

– Но тебе идет, – ответил и торопливо добавил: – Вообще тебе все идет. Даже когда на тебе ничего лишнего.

Она покосилась в мою сторону с подозрением:

– Звучит как-то двусмысленно... Вообще-то для арабов мы все франки. Которые однажды остановили натиск их армии ислама в Европу почти под Парижем. Располагайся, можешь сделать кофе... а я сейчас вернусь.

Я проводил ее взглядом, уже подключился к внутренней сети и вижу маленькую комнату, которая вроде бы не существует в доме, так как защищена от любого подслушивания, оттуда свяжется со своими и получит инструкции, а я, понятно, за это время приготовлю кофе.

Для этого не нужно даже спускаться на первый этаж, вон на столе небольшой портативный аппарат на две чашки, моментально размелет зерна,

приготовит и разольет по чашкам, а еще и пискнет «Готово!»

Когда она вышла, освеженная и поправляющая волосы, якобы все это время провела в душевой комнате, хотя в самом деле заскочила туда на минутку, я уже поставил на стол две чашки горячего парующего кофе и раскладывал на широкой плоской тарелке печенье.

– Ого, – сказала она и села напротив, – и печенье отыскал... Тебя в разведчики взяли не из домошников?.. Ой, и кофе латте.

Я сказал скромно:

– Мне показалось, что это тебе подходит больше. Что-то в тебе эдакое латтетное...

В ее взгляде промелькнуло удивление.

– Почему латте?

– Тебе идет, – объяснил я. – По твоему психологическому характеру подходит именно латте и в меньшей степени капучино.

Она указала взглядом на мою чашку:

– А себе эспрессо?

– Ну да, – ответил я и сделал большой глоток, выказывая, что мне начхать на древние правила этикета, – потому что я экспрессионист временами. Могу экспрессивные картины рисовать, но не стану.

– Почему?

– А на фига? – спросил я.

– Ну... это же высокое искусство.

Я сделал еще глоток, закрыл глаза от удовольствия.

– Хрень. Все хрень.

– Грубый ты, – сказала она с отвращением. – И невежественный.

– Лет через сорок-пятьдесят, – пояснил я, – не будет никакого искусства.

– Будет, – возразила она с вызовом.

Я взял печенье, переспросил:

– В новом мире?

Она сказала резко:

– А что будет?

– Вместо извозчиков появились самобеглые коляски, – сказал я. – Это еще могли предположить. Но вот Интернет никто и представить себе не мог... Прекрасное печенье, люблю восточные лакомства!.. А новый мир будет в миллион раз непохожее... Да что там миллион! Вообще будет другим. Будь у тебя сейчас диапазон зрения пошире... ну-ну, не обижайся, я говорю о шкале инфракрасного до ультрафиолета, включая рентгеновское и прочие возможности видеть в гамма-лучах и всех прочих... так вот, ты бы видела эти картины... гм... иначе. Как нечто крайне примитивное и не использующее возможности. Что-то вроде детских каракуль, только хуже и глупее.

Она хмуро смотрела, как я жру восточные сладости и запиваю и без того сладким кофе, что крайне неинтеллигентно, но трансчеловеку насрать на то, что считается интеллигентностью в уходящем в прошлое веке, у трансчеловеков собственная гордость, на буржуев смотрим свысока.

– Ладно, – сказала она с вызовом, – если ты такой продвинутый, то как отбить эти заряды?

Я допил кофе, с сожалением посмотрел на кофейный агрегат.

– Отбить, это в каком смысле?

– Прямом.

– Понял-понял... Если заказать ему вторую, перегорит от усердия?

– Нет, – буркнула она.

– Тогда от жадности?

Она повернулась, коротко взмахнула рукой наискось и по горизонтали, словно режет кому-то горло. Аппарат недовольно загрохотал, с треском перемалывая зерна, а я подумал, что кофе она пьет сама часто, судя по жесту: обычно самые простые присваиваем наиболее частым командам.

Я сам поднял и взял чашку, но огонек мигнул, предупреждая, что сейчас хлынет еще струя.

Эсфирь молча ждала, когда я наполню и поставлю обе чашки на стол, взяла свою и взглянула в упор.

– Так как?

Я сказал задумчиво:

– А если попробовать другой путь...

– Ну-ну? – сказала она в нетерпении. – Что-то ты какой-то заторможенный. Или еще не отмерз после своей Тугусии?

– Когда смотрю на тебя, – пояснил я, – такую злую и кровожадную, так хочется проявить себя в чем-то гуманитарном... Например, обойтись без стрельбы простым жульничеством.

Она посмотрела исподлобья.

– А сумеешь?

Я спросил обиженно:

– Думаешь, жульничать умеют только евреи?.. А вдруг я родом с Украины?.. Ага, вздрогнула. То-то.

– Говори, – сказала она в нетерпении. – Ты многословный, как итальянец.

– Если прийти к Хиггинсу, – сказал я, – и сообщить ему, нам, дескать, известно, что с Украины

вам продали ядерные заряды. Конечно, наши информаторы поступили непорядочно, поделившись такими сведениями, но за пару сот долларов некоторые и мать родную продадут, а что уж говорить, если речь о миллионе за такую информацию?

Она поморщилась.

– Вот так все просто?

– Иногда простота, – сказал я скромно, – лучше заумности. Ладно, отвергая мою святую простоту, предложи хитрый еврейский вариант.

Она старательно подумала, у женщин это заметно, это у нас никак не выражается, потому что все время о чем-то да думаем, пусть даже о бабах, а вот когда задумывается женщина – это всегда зрелище, пусть даже и не такое умилительное, как когда о чем-то размышляет такое забавное существо, как, к примеру, Катенька.

– А если зайти с другого конца? – поинтересовалась она.

– Это по-еврейски, – одобрил я. – С какого?

– Отыскать шейха Хашима, – предложила она. – Покупающего эти заряды.

– И что ему скажем? – спросил я. – Посоветуем стать демократом?.. Ни один мужчина не согласится!

– Почему?

Я ответил по-еврейски вопросом на вопрос:

– А ты знаешь, какой у него гарем?

Она сказала язвительно:

– А при хорошем гареме ни один мужчина не пойдет в демократию?

– Конечно.

– Ни при каких условиях?

Я двинул плечами.

– А какие могут быть условия предпочтительнее? Миллионы, миллиарды долларов? Так их добывают, чтобы покупать женщин. Какой мужчина согласится на обратный обмен?

– Разве что станет импотентом, – предположила она задумчиво.

– А кто в этом признается? – спросил я. – Нет уж, все равно будет держать гарем. Разве что чуть сократит... Хотя, конечно, зерно в твоём чисто женском неприличном предположении есть. Шейх живет в старых координатах. Попробуй ему объяснить, что если распустит гарем и примет демократические ценности, то все женщины мира будут почти что в его гареме, а еще вполне легально можно в жены брать ишаков, коз, малолеток, в том числе самцов, а также все-все, что может измыслить свободное демократическое мышление.

Она поморщилась.

– Как вы, мужчины, в первую очередь понимаете демократию!

– Потому что мы по своей природе демократичны, – объяснил я. – Слышала о такой науке, как антропология?

– Это ловля бабочек?

– Нет, – сказал я, – ловля бабочек – это энтомология. Значит, шейх Хашим... Надо посмотреть...

Она оживилась, но взгляд бросила на меня крайне удивленный.

– Едем к нему?

– Погоди, – сказал я, – сперва поищем его по планете... Ну, не в буквальном смысле.

– Именно так и думала, – заявила она сердито. – На меня непохоже. Ты же у нас думатель!

– Именно, – согласился я солидно. – Стратег!.. А не жаба ходячая.

– А в каком смысле?

– Сперва поищем по Дубаю, – объяснил я, – и его окрестностям.

Она посмотрела испытующе.

– Это займет месяцы. Или знаешь, где искать?

– Нет, – ответил я, – но сейчас узнаем. Если ты еще не знаешь, то в мире появился Интернет. Осталось только научиться им пользоваться..

– А ты умеешь?

– Сейчас посмотрим, – сказал я скромно.

Глава 2

Она с недоверием смотрела, как я вытащил планшет и быстро-быстро двигаю пиктограммки, печатаю что-то непонятное, бахвалясь перед женщиной, мужчины всегда бахвалятся, даже когда не бахвалятся.

Язык программирования, судя по ее лицу, незнаком, то ли что-то совсем новое, то ли самый низший, чем разбалованные программеры теперь пренебрегают, в конце концов вывел на экран вид со спутника на город, быстро отыскал крохотное здание отеля и прозумил его, не слишком теряя в четкости.

Эсфирь поинтересовалась с недоверием:

– Он там?